

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК
23 (86)

ВИЗАНТИЯ
И ВОСТОК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД · 1971

ВИЗАНТИЯ И ВОСТОК *

Проблема «Византия и Восток» не новая. Она родилась в то время, когда византиноведение выходило на широкую дорогу всемирно-исторической науки. Теперь изучение истории средневекового Востока встало во весь рост и пробило себе путь к университетским кафедрам, что делает историю действительно «всеобщей» или «всемирной средневековой историей». В изучении и Востока, и Византии должна быть отмечена передовая, выдающаяся роль Ленинградского университета: в его стенах протекала деятельность В. Р. Розена, В. Г. Васильевского, Ф. И. Успенского, В. В. Бартольда, Н. Я. Марра, давших глубокие исследования политических, культурных и литературных связей Византии и Востока. Благодаря их работам новое, центральное положение между средневековой Европой и Азией заняла Византия. Этим наука обязана русским ученым. Советское византиноведение также не осталось чуждым этим вопросам, углубленно разработав проблему отношений Византии с сасанидским Ираном. И теперь, больше чем когда-либо, следует, оглянувшись на сделанное, попытаться поставить задачи, разрешение которых назрело.

Поставить эту проблему во всей ее полноте можно только исходя из того научного и философского положения, что закономерность процесса развития отдельных государств — при всем их разнообразии — имеет в основе смену формаций, специфические формы эксплуатации, классовую борьбу, явления социальной жизни и экономики, которые характерны для развития общества на определенной стадии. В связи с этим история Византии и история Востока, как и история Запада, должны рассматриваться как история государств и обществ, развивающихся на основании одних и тех же законов истории.

Византия как средневековое восточное государство постоянно противопоставляется средневековому латинскому Западу. Но эта греческая держава во многом носит черты западной культуры, западных форм государственной и общественной жизни. Византия выросла на наследии, оставленном ей латинским Римом и эллинистическими монархиями, а последние территориально вошли в ее состав. Тем самым Византия складывалась из целого ряда восточных элементов. Отделенная административно от западных областей, она стала еще более доступна влиянию Востока; центр империи находился у самого порога Азии. Рим лишь поверхностно соприкасался со своими новыми провинциями, с трудом их осваивая. Для Византии они же стали основной, создавшей ее тканью. Чрезвычайно важно, что в первый период своего существования она оказалась разноязычным государством. Эллинизация населения оставалась

* Доклад, прочитанный на сессии Отделения истории и философии АН СССР, состоявшейся 5—6 мая 1944 г. в Москве.

еще важной задачей в областях, где родным языком населения был коптский, сирийский, армянский, арабский.

Самое положение Византии как золотого моста между Востоком и Западом, Константинополя, смыкающего азиатский и европейский берега Босфора, было своеобразно. Границы государства, то раздвигаясь, то сходясь, отделяли его сначала от Ирана, потом от халифата, от сельджуков, турок. На Кавказе приходилось непосредственно соприкасаться с княжествами лазским, мингрельским, грузинским, с армянскими царями, в Египте — с нубийскими и эфиопскими властителями.

Торговые и дипломатические связи империи тянулись далеко за пределы соседних держав, они были завязаны в Йемене и Эфиопии, в Средней Азии и Индии, на острове Цейлон и в далекой Небесной империи. Эти связи находились в теснейшей зависимости от экономических интересов, которые диктовали направления и условия сношений и дипломатических переговоров с другими государствами. Интересы эти не раз приходилось защищать с оружием в руках, поэтому мирные соглашения и условия сменялись военными союзами, которые умные византийские послы умели превосходно использовать в интересах империи.

Весь этот комплекс связей и отношений создал исключительное своеобразие, неповторимое положение и неповторимую историю.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ

Внешняя политика Византии была ориентирована главным образом на Восток. Страшными и сильными ее врагами на севере и северо-западе были славяне, которые «отняли» у нее «Элладу», по словам Исидора Севильского. Но Восток внушал величайшие опасения. Мощная сасанидская держава была достойной соперницей Византии. Из века в век Иран делал попытки пробиться к Черному и Средиземному морям. Лазы или цаны Кавказского побережья должны были уступать, трепеща перед угрозами то одной, то другой стороны, которая с оружием в руках осуществляла свои суверенные права у берегов Черного моря. Армению раздирали на части то византийские, то персидские войска, топча ее плодородные поля и виноградники, грабя ее богатые города. Граница по Евфрату никогда не была безопасной, и мелкие крепости — фрурии — Византии были опорными пунктами ее обороны, а крупные города как пограничными торговыми, так и стратегическими центрами. В середине VI в. войска Хосроя не только повторили походы Кавада I против Амида, Эдессы, Мартирополя, но прошли Иераполь, двинулись к Оронту, захватили и разграбили богатейшую Антиохию. Часть завоеванных областей была возвращена, но Иран вновь вспомнил о дорогах на Запад. Внук Хосроя I прошел тем же путем, но с той разницей, что, захватив Сирию, укрепился, присоединил Палестину, Каппадокию и Египет к своим владениям. Активная внешняя политика, несмотря на победы, на огромную добычу, утроившую бюджет Ирана, оказалась для него непосильной. Это было лебединой песней сасанидской империи, разбитой военным гением Ираклия. Но и сама Византия не успела оправиться от поражений и побед, как хлынули свежие, молодые, полные сил полчища арабов, стремительное нападение которых заставило содрогнуться Константинополь.

Арабы не были чужды Византии. Давно племя Гасанидов находилось на положении федератов, которые выполняли сторожевую службу для империи в Сирии. Они приобщились к культуре и христианству, часть из них становилась оседлой, и Дамаск был их центром. Арабские племена, объединенные лахмидами, с центром в Хире, были «под рукой» Ирана и не раз, выполняя задания шаханшаха, разоряли византийские области, грабили население и угоняли скот. Раздробленные арабские племена, со

своим полукочевым образом жизни, но широко развитой караванной торговлей, а потому и городскими центрами, были объединены новой идеологией ислама. Ничто не могло их удержать, когда они двинулись завоевывать мир. Первыми пали византийские области. Легкая арабская конница не только захватила Сирию, Палестину, Египет, но ворвалась в Малую Азию и Северную Африку. Арабы держали в своих руках Иран и решили судьбу Средней Азии, преградив путь китайским войскам. Огромный мощный халифат держал империю в напряжении, не раз угрожая самой столице. Византии надо было отстаивать каждый кусок своей земли военной силой и флотом, значение которого в ряде схваток было решающим.

Завоевания арабов не только создали новое и сильное государство, которое захватило важнейшие византийские территории: Египет — житницу Константинополя, Сирию — одну из главных ремесленных областей, — но еще в значительной степени сократило и ограничило международные связи Византии. История византийской дипломатии все еще не написана. Между тем Византия могла гордиться своей дипломатией, которая не изменяла ей в самые трудные времена. Унаследовав ее традиции от эллинистических монархий и Рима, она виртуозно развила их. На службу дипломатии были привлечены специальное юридическое образование и многовековой опыт канцелярий. Древняя, как и сама восточная государственность, восточная дипломатия была ее школой. Льстивые уверения, взаимные обманы, ложные обещания прикрывали истинные намерения держав, экономические интересы которых выходили далеко за пределы собственных границ.

В начале VI в. Византия соперничала с Ираном за преобладание в Йемене. Она вовлекла Эфиопию в сферу своего влияния; здесь верхи общества приняли христианство из рук греков, но сохранили в своем культе эфиопский язык, тем самым ставший языком литературным. Целью союза с африканской державой было создать конкуренцию иранским торговцам в Индии и получать шелк в византийские гавани с кораблей эфиопских купцов. Этот дипломатический ход не удался, византийские ремесленные мастерские продолжали нуждаться в этом товаре, и была сделана новая попытка. Константинополь искал возможности заключить союз с тюркскими племенами в Средней Азии, в тылу у Ирана, чтобы вырвать монополию сухопутной торговли шелком у персидских купцов. Вывоз этого драгоценного китайского товара поставил на ноги дипломатию всего Переднего Востока — Византии, Ирана, Йемена, Эфиопии, тюркского каганата. В последнем особенно энергично действовали покоренные тюрками согдийцы, которые сами занимались разведением шелковичного червя и производили шелк. Византийским послом киликийцу Земарху, а затем Валентину пришлось побывать в Алтайских горах у тюркского кагана, а на обратном пути обогнуть с севера Каспийское море.

Как далеко завозились византийские товары на Дальний Восток, свидетельствует тот факт, что в Танскую эпоху в Китае носили стеклянные бусы, выделанные в ремесленных городах сирийского побережья Средиземного моря. Византийский купец Козьма Индикоплов нашел на острове Цейлон факторий сиро-несторианских торговцев, привозивших сюда товары из «ромейских» городов.

Замечательны глубокие связи в области материальной культуры, которые могут быть намечены с большой хронологической точностью. Сцена охоты царя — сюжет, повторяющийся на самых различных предметах сасанидов: на прекрасных серебряных блюдах, на коврах и тканях. Всадник, поражающий копьем зверя, хорошо известен как изображение Георгия Победоносца, как популярное на Балканском полуострове изоб-

ражение Дмитрия Солунского. На вытканном в Китае шелковым покрывале, подаренном одному из владетельных князей Японии в эпоху Нара (VIII в.), повторена сцена верховой охоты сасанидского царя. Кони имеют тавро, но не персидское, а относящееся к китайской символике. Этим самым безошибочно может быть указана китайская выделка этой ткани. Так, сюжет, родившийся в Передней Азии, был занесен с тканями на Дальний Восток.

Борьба с арабами продолжала занимать центральное место во внешней политике Византии. Арабы перевалили Ливан, в 648 г. был взят Кипр, в 654 г. — Родос; к 649 г. Ефес, Смирна, Халкедон и Кизик были в руках арабов, и только в 668 г. длительная осада Константинополя не имела успеха. Укрепление арабов в иранских областях шло одновременно с завоеванием византийских, создавая для последних растущую угрозу. Зимой 716/17 г. с суши и с моря арабы осадили Константинополь, и только суровая зима и настойчивое применение греческого огня спасли столицу. Это в последний раз под ее стенами были арабы, но гибель для Византии все же пришла с востока. Близость центра Омейядского государства — Дамаска — к византийским границам была страшна, и только к середине VIII в., когда Аббасиды перенесли со своей столицей и центром внимания на Восток, положение империи стало несколько лучше. Лев III Исавр (717—741 гг.) и Константин V Копроним (741—775 гг.) смогли не только сдержать, но и отбросить арабские силы. Нет сомнения в том, что реформы исаврийской династии, как и все движение иконоборства, получили толчок и в известном смысле были вызваны столкновением как со славянами, так и с арабами.

В X в. халифат переживал феодальное дробление, и империя умела использовать его в своих интересах. Дипломатия и в этом случае приходила на помощь военным действиям. Когда хамданид Али с почетным титулом «Сейф ад-Даула» («меч династии») стал в Алеппо слишком властным и воинственным, то из Константинополя греко-арабское послание убедило халифа ар-Ради в Багдаде согласиться на ряд уступок и обмен пленными. Но против «меча династии» нашлась и другая мера: ал-Ихшид, Мухаммед ибн Тудж, правитель Египта, был удостоен обращения «любимого друга», ему были обещаны звания и поднесены подарки с тем, чтобы сделать его вассалом империи. Он им не стал, но его войска нанесли тяжелый удар Сейфу, чего и хотела Византия.

При Романе Лекапине начались активные действия византийских полководцев, добившихся успехов против эмира Алеппо. Далее военные действия были направлены на Киликию, были взяты Мопсуестия, Адана, Тарс (964, 965 гг.). Войска Никифора были в виду Кесарии и Антиохии, под их напором пала Эдесса (968 г.), в следующем году Антиохия и, наконец, Алеппо. Наступал период относительного равновесия сил и даже некоторой возможности для Византии вернуть себе утраченное.

Между тем надвигалась новая опасность. Тюркские племена неукоснительно продвигались через Иран и стали непосредственными соседями Византии, так как Иверия, Армения, Трапезундские берега Черного моря находились в середине XI в. в руках сельджуков. Они все больше сокращали размеры ее территорий, приближаясь к столице и становясь все более доступными ее непосредственному влиянию. В то же время завязываются новые формы отношений, турки идут на службу к Византии и с благодарностью принимают громкие титулы византийского двора. Но, может быть, нигде скрещение этих различных культур не ощущалось так сильно, как в Киликии, где византизм приобрел новые черты.

Смена монархов на византийском престоле происходила небывало часто, а порой и необычайно легко. Михаил Стратеготикос (1056—

1057 г., Малая Азия), посмотрев на свои сафьяновые красные сапоги (привилегию царского туалета), сказал: «Нет, не будет Михаил за это проливать кровь» — и уступил престол Исааку Комнину. В Антиохии Исаак Комнин пал жертвой турок. Характерно положение, при котором Роман IV Диоген (или Дигенис) получил византийский престол. Он был выдвинут военной группировкой, потребовавшей, чтобы вдова — царица Евдокия взяла его в мужья, чему противодействовала придворная партия, возглавляемая Иоанном Дукой и Пселлом. Став во главе небольшого, частью наемного войска, Роман самолично отправился в поход против сельджуков. В 1068 и 1069 гг. он добился удач, но в Италии пошатнулся последний оплот Византии. Робер Гюискар взял Оранто и осадил Бари, и Роману пришлось вернуться в Европу. Между тем сельджуки, возглавленные Алп Арсланом, взяли в восточной Армении Манцикерт. Император-полководец со 100-тысячной армией отвоёвал эту твердыню обратно. Но в генеральной битве, где Роман долго отбивался с небольшой личной дружиной, измена Андроника Дуки решила его положение. Взятый в плен Роман был торжественно принят Алп Арсланом, приглашен к его пиршественному столу и отпущен в пышных одеждах, но с условием заплатить выкуп. По возвращении в византийскую столицу Роман был зверски ослеплен и умер (1071 г.).

Образ Романа запомнился и грекам, и тюркам, он стал героем эпопеи, в которой Роман — византийский рыцарь, как и его враг Алп Арслан — турецкий рыцарь. Переводы и варианты этой эпопеи известны на греческом, арабском, турецком, славянских языках.

Положение Византии стало особенно трудным с образованием султаната Рум со столицей Никеей, основателем и первым государем которой был сельджукид Сулейман (1081 г.). Феодальное дробление ослабило и эту турецкую державу, и византийско-латинские княжества сумели приобрести доминирующее значение. Завоевания монголов в XIII в. заставили Константинополь пустить в ход не только оружие, но и дипломатию. Михаил Палеолог упрочил свою связь с монгольскими владиками, отдав одному из них в жены свою побочную дочь. Сестра Андроника, Мария, заняла у них положение царицы. Заключение такого рода личных союзов было обычным приемом византийской политики.

Когда давление монголов ослабело, то турки вновь попытались занять прежнее положение, но их мелкие княжества не смогли сохранить за собой никакого престижа. Исключением был султан сельджукской Конии Алаэддин. Чтобы оказать сопротивление Византии, он призвал на помощь турок, вытесненных из Хорасана монголами. Осман (1288—1326), оставаясь вассалом Кони, присоединял одну область за другой, отторгая их от Византии. После смерти Алаэддина (1299 г.) Осман принял титул султана. При Османе и Урхане (1326—1359) продолжались завоевания византийских областей, турки овладели Никеей в 1330 г. Их внутренняя политика замечательна тем, что культура, с которой турки столкнулись в областях Малой Азии, осваивалась ими, они поддерживали и земледелие, и торговлю, вступали в тесный контакт и общение с греками, устраивали по-новому свое государство. Методы управления, которое осуществлялось главным образом через брата султана, его визиря, в значительной мере были заимствованы или созданы под византийским влиянием. В 1356 г. Сулейман взял Галлиполи, а при Мураде (1359—1389) столицей стал Адрианополь. Константинополь и небольшая полоса земли были захвачены Мухаммедом II в 1453 г., последний византийский император Константин Палеолог погиб на поле брани. Так кончила свое политическое существование Византия.

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ВИЗАНТИИ И ГОСУДАРСТВА ВОСТОКА

Для изучения социальных отношений и экономики Римской империи исключительное значение имели частные документы, сохранившиеся на папирусе в Египте. Написанные преимущественно на греческом языке, они легли в основу исследований внутренней истории Рима и анализа такого социального явления, как колонат.

Для изучения Византии не меньшее значение имела «провинция Африка», так как именно папирусы византийского периода, особенно найденные в Афродито, вдохнули жизнь в сухие формы византийского законодательства. Расписки о внесении налогов натурального и денежного характера, указания на надбавки (ἐπιβολή), регламентация налогов и податей, отдельные документы, связанные с управлением Египта, дали возможность развернуть картину деятельности административного и финансового ведомства Византии, их детальных разветвлений и виртуозных способов обложения и выжимания налогов. Специальное исследование о фиске на основании папирологического материала дало картину этого ведомства по ограблению собственного народа, по меткому выражению Маркса. Привлечение папирусов на коптском языке может еще в большей степени способствовать уяснению экономической жизни Византии. Со времени утраты Египта для Византии эти важные памятники уже не могут привлекаться к ее изучению. Житница Константинополя отошла к арабскому халифату.

После немногих надписей папирусы представляют хронологически одни из первых образцов арабского письма. Они позволяют судить об управлении Египта при Омейядах и в период его самостоятельности. Система арабской администрации копировала византийскую, и греческий язык лишь исподволь уступал место арабскому, как в свое время коптский уступал его греческому. В течение длительного времени уделом Египта вновь стало двуязычие, поэтому греческие папирусы имеют большое значение для изучения времени Омейядов. В этом случае на сравнительном изучении греческой и арабской социальной терминологии можно дать бесспорные, точные выводы, которые представляют большой интерес для характеристики феодальных отношений и их развития в арабском халифате. Такие сопоставления и анализ позволяют выявить генетические связи и уяснить особенности феодализма арабского периода.

Сравнительное изучение разноязычных византийских источников дает исследователю наиболее полные результаты, так как создает возможность сопоставления локальных традиций с официальными установлениями; это оказалось возможным при привлечении сирийских хроник для истории византийской провинции Месопотамии и города Эдессы. Социальная терминология сирийских источников при сопоставлении с греческими эквивалентами привела к новым выводам относительно общественных отношений Византии — наличия свободного крестьянства, колоната, среднего земледельческого слоя и, наконец, париков задолго до того времени, к которому принято было относить их появление на церковных и епископских землях. Византийское право через посредство «Сирийского законника» послужило основой для выработки системы обложения в сасанидском Иране. Арабы в значительной степени переняли эту систему у персов. Таким образом, внутренняя история халифата, вопросы экономики и классовых отношений, которые отражены в Китаб-ал-харадж, в хрониках Табари, Балазури и др., дадут особенно яркую картину, если генетические связи и развитие этих отношений будут соответственным образом проанализированы. Прав был автор книги «Византия и арабы», когда писал: «Конечно, изучением одних только политических отношений огра-

ничиться нам не хотелось бы, поднимаются вопросы о внутреннем устройстве обоих государств, о их культуре, о их взаимном влиянии. Изучение внутреннего строя Византии и халифата могло бы осветить многие стороны внутреннего устройства древней Руси». Такое углубленное изучение даст совершенно новые выводы и для истории Средней Азии.

Несомненно, что и вопрос о турецком феодализме может быть решен только в самом тесном сопоставлении с историей феодальных институтов Византии: светской и духовной экуссии, прони, харистикия. Ряд терминов феодальных отношений Турции может дать точный смысл именно при таком сопоставлении. Только при сличении турецкого и византийского законодательств можно выделить те элементы своеобразия, которые заключаются в первом и ведут свое начало от обычного права тюркских народов.

Характеристика общественных отношений граничивших с Византией народов и государств часто оказывается возможной лишь на основании византийских источников. Общественные отношения, слагавшиеся в племенных союзах, которыми жили арабы VII в., могли быть охарактеризованы лишь на основании того, что сообщила Византия о своих то дружественных, то враждебных соседях. Внутренняя история арабов до ислама, изученная на основании греческих и сирийских источников, привела нас к выводу, что родоплеменной строй их имел ту структуру, которая запечатлена в классическом определении Энгельса. Источники перечисляют все основные черты воинственных племенных союзов, которые были отмечены основоположниками марксизма на основании изучения западных материалов.

ГОРОД

Выдающаяся роль, которую играла Византия, единодушно признается как латинским Западом, так и ирано-арабским Востоком. Все средневековые писатели, сирийские и армянские историки, арабские и персидские географы согласно говорят о ее могуществе и значении. Анналы, составлявшиеся мандаринами Небесной империи, осведомлены о великой державе дальнего Запада. Высокий уровень материальной культуры и широкие торговые связи были наиболее важными причинами ее господства и могущества. Она унаследовала свои владения от Рима, горделиво раскинувшись на трех материках, хотя и потеряла значительную их часть уже в VII в. Притягательная сила Византии, ее авторитет, влияние не только не понизились, но возросли в течение значительного периода. Веками действовало очарование «второго Рима» — Константинополя. Привлекали его мощные стены, величественные дворцы и храмы, пышность и богатство царского двора, торжественность приемов, блеск обстановки, войска и свита, выстраивавшиеся бесконечными рядами, весь ритуал.

И, быть может, самое удивительное заключалось в том, что очарование и притягательная сила Византии не уменьшились и тогда, когда ее власть и мощь стали чисто условными.

Царьград является признанным центром в глазах славян, арабов, Руси, тюрков, влечение к нему непреодолимо. Описания Константинополя надо искать поэтому не только в греческих, но и в восточных летописях и сказаниях.

Городская жизнь вообще имела большое значение в истории Византийской империи. Уцелевшие остатки торговли в глухом средневековье были причиной ее живучести. Действительно, ремесло и торговля не замирали в Византийской империи. Александрия в Египте, Антиохия в Сирии, Эдесса на Евфрате, Майферкат и Двин в Армении, множество малоазийских городов, Херсонес в Таврике, Солунь на Балканском полуострове

были опорными пунктами областей, находились на перепутье торговых и стратегических дорог.

Столица Византии, как и другие ее центры, как города халифата и государств, возникших из него, жили в этот период полной жизнью. На Ближнем Востоке и в Средней Азии, как и в Византии, городские центры возникли с древнейших времен. Возникновение Тира и Сидона, Вавилона и Дамаска, городов Малой Азии теряется в легендах. Эти старые центры то меняют свое имя, как Амида — Диарбекр, Эдесса — Урха — Орфа, то строятся заново, лишь незначительно меняя местоположение близ старого центра, как Ктесифон — Багдад.

С незапамятных времен эти города являются центрами не только местной, но и караванной торговли. Достаточно вспомнить о таком памятнике, как Пальмирский тариф, на греческом и арамейском языках, которым справедливо гордится Государственный Эрмитаж. Караваны приходили и уходили, появляясь в одних и уходя в другие ворота города, которых обычно было четыре, по четырем концам света. Города по побережью Сирии, по реке Евфрату были портовыми центрами. На знаменитые ярмарки в Серуге (Батнана) приходили корабли из Индии и Цейлона, заходя из Персидского залива прямо в устье реки.

Но все пути вели во второй Рим, Царьград, мировую столицу. Константинополь, политический, административный, торговый и умственный центр империи, был «огромным торговым рынком» до того времени, пока не было найдено «прямого пути в Индию» (К. Маркс и Фр. Энгельс, Соч., т. IX, стр. 382). Сюда стекались товары с самых отдаленных мировых рынков. Из Китая и Средней Азии привозили шелк-сырец, который переходил из рук согдийских купцов к персам и сирийцам, доставлявшим его в прибрежные города, а оттуда в саму столицу. Русские и скандинавские ладьи по Черному морю доставляли воск, пушнину и мед. Царьградский гость Козьма, прозванный Индикопловом, в поисках «далекой Индии чудес» по Красному морю, Персидскому заливу и Индийскому океану достиг самого Цейлона, откуда вывозили жемчуг, пряности и заморские диковины.

Из Ирана и Аравии на колыхающихся верблюдах в гавани сирийского побережья доставляли изюм, урюк, миндаль, финики, вино, сарацинские ткани, ковры и широко славившиеся готовые одежды. Отсюда большие и малые корабли перевозили товар к Босфору. Из Египта шло зерно, а из глубины Африки — золотой песок и слоновая кость. Столица жадно поглощала огромные количества свежей и соленой рыбы, которую свозили со всего Средиземноморья и Черноморья. Это была пища беднейшего населения городов. Скот пригоняли в Никомедию из областей Малой Азии. Табуны лошадей паслись во Фракии, откуда их перегоняли в предместья столицы. Оливковое масло поступало из Малой Азии, Элады, Пелопоннеса.

Константинополь в полном смысле слова был международным центром. В многолюдной толпе встречались представители всех рас, всех народов. Можно было встретить «черных» жителей Нубии, аварских послов с длинными «нечесаными» волосами, славян в вышитых льняных одеждах. В грекоязычной столице говорили на многих языках и наречиях. Внешняя, показная сторона, роскошь и красота столицы имели чарующую, притягательную силу. При приближении к ней с моря и с суши издали уже виднелись высокие башни, златоглавые дворцы и храмы. В город, опоясанный крепостной стеной, вели разные ворота. «Золотые ворота» открывались на главную улицу — Среднюю, которая вела к храму Софии, ставшему при турецком владычестве мечетью. Это грандиозное создание византийского зодчества VI в. оставило глубокий след во всей средневековой культуре и вдохновляло своеобразное и самобытное в своем разви-

тии славянское и русское зодчество. Большой дворец византийских владык объединял величайший комплекс строений, где помещались канцелярии, гвардия, царский караул, личные покои царя и царицы. Пышный церемониал двора, красота залов, украшенных мозаикой, роскошь одежд — все это было рассчитано на то, чтобы поразить умы и заставить трепетать перед особой императора.

Материальная культура Византии создавалась рабочими руками бесчисленного множества мастеров и ремесленников. Городские ремесленники были организованы в корпорации, во многом превосходившие цеховое устройство западных городов в средневековье. Работа велась как в крупных мастерских, в которых бывало несколько десятков мастеров и подручных, так и в малых, где, кроме мастера-хозяина и его подмастерья, не было никого. Чаще всего ремесленник сам сбывал свой товар, продавая его тут же в лавочке, где он занимался его производством. Были и скупщики, которые скупали товар партиями, чтобы вывозить его на продажу.

Корпорации объединяли ремесленников и торговцев, занятых одним и тем же производством или товаром, а все корпорации вместе были подчинены в столице епарху, в других городах — эгемону, префекту. Интереснейший византийский памятник X в. «Книга епарха» свидетельствует о положении корпораций, издавна сложившихся в империи. Род ремесел, о которых там идет речь, их организация, поставка и продажа различных товаров дают живое представление о жизни столицы.

Столицы областей, портовые и караванные города, административные и хозяйственные центры в то же время были центрами ремесла. Средневековый город на греческом, иранском, арабском, армянском и среднеазиатском Востоке не имеет резких различий в своем устройстве. Если было бы больше уделено внимания проблеме организации ремесла, то многое стало бы яснее и для ремесленных предместий (рабад) арабо-иранских городов, и для истоков византийской организации ремесел и торговли, запечатленной в «Книге епарха». Кварталы, где селятся ремесленники одной и той же профессии, объединены старшиной или главой еще в сасанидском городе. Организация ремесленных корпораций восточного города во многом подобна цеховому устройству Византии и латинского Запада. Сопоставление и сравнительное изучение вопроса о ремесле могут дать исключительно плодотворные результаты. В этом убеждает, например, то, что было сделано для сасанидского города на основании сирийских материалов. Особенности восточных городов носят скорее внешний, декоративный характер, по существу их возникновение и жизнь подлежат рассмотрению на основании общих законов истории, установленных основоположниками марксизма. На Ближнем и Среднем Востоке, как нам неоднократно приходилось это высказывать в печати, многие города существовали как караванные города-государства. Как и в греко-римском городе-государстве, город и тяготевшая к нему область составляли одно целое и жили своей собственной жизнью, а во внутреннем устройстве во многом повторяли общие черты, характерные для данного исторического положения. И в этом случае законосообразно развитие городов как на Востоке, Ближнем и Среднем, так и в Византии.

КУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВИЗАНТИИ И ВОСТОКА

Право и историография

Культурные связи и взаимное влияние Византии и Востока чрезвычайно разнообразны. Знание восточных языков в Византии и греческого на Ближнем Востоке было распространено среди культурных верхов

общества, в связи с чем взаимное культурное влияние и могло осуществляться. Достаточно сказать, что высшая юридическая школа — юридическая академия — находилась в Бейруте, что изучение доюстиниановского законодательства невозможно без привлечения «Сирийского законника», сборника V в., сравнение которого со сборниками Феодосия и Гермогена привело к новым выводам. Не случайно и то, что «Сирийский законник», ни в какой мере не могущий служить образцом юридических памятников империи, оказался переведенным на все языки Ближнего Востока, тогда как жизнь посмеялась над ученым трудом Требониана. Получившее широкое развитие мусульманское право — фикх, — которое в начальной своей стадии опиралось на обычное право арабов, усвоило некоторые традиции римско-византийского права. В дальнейшем фикх разрабатывался в высших слоях арабского общества на классическом, литературном арабском языке. В противоположность образцам мусульманского права можно указать на написанные простонародным, вульгарным языком памятники христиано-арабской письменности.

Греческие Номоканоны, имевшие столь большое значение для славянских литератур, должны изучаться в теснейшей связи с сирийскими, армянскими и арабскими каноническими сборниками, которые содержат самостоятельные своеобразные данные по сравнению с исходными греческими.

В подобном положении находится и вопрос о византийской историографии. Существенно отметить ее влияние на ближневосточную. В зависимости от нее оказались армянская, сирийская, эфиопская и арабская христианская хронография как по содержанию, так и по своей литературной форме. Так, хроника Иоанна Малалы написана безыскусственным греческим языком, развившимся из той *κοινή*, на которой говорило все Средиземноморье с I в. до н. э. Эта народная хроника, очень важная для истории Византии памятник, свыше ста лет не переиздается, все еще приходится работать по Боннскому изданию 1831 г. или его перепечатке в греческой патрологии. Причина заключается в том, что для издания этой хроники необходимо привлечь эфиопскую хронику Иоанна Никиусского и извлечь ряд статей из сирийской хроники пс. Дионисия Тельмахрского, попавших в ее состав через утерянные ныне части хроники Иоанна Ефесского. Наконец, необходимо поработать и над славянским переводом, воспроизведенным Истриным, не считая многочисленных справок из ряда христианских арабских историков. При таких условиях переиздание этого греческого памятника может быть осуществлено лишь с большим трудом. Состав утерянной греческой хроники Евстафия Епифанийского был установлен на основании сравнения истории Прокопия Кесарийского и сирийской хроники Иешу Стилита.

Влияние византийской историографии несомненно косвенно простиралось и на традиции арабо-персoturецкой мусульманской исторической литературы, которая в то же время выработала своеобразные формы и особенности, которым оставалась верна на протяжении веков.

Всестороннее освещение истории Византии в любой хронологический период, с учетом всей международной и политической обстановки, возможно только при одновременном изучении восточных источников.

Такое же значение имеют иные страны арабских географов. Топографию Константинополя нельзя восстановить без восточных материалов. Греческую столицу описал ал-Масуди. Взятый в плен под Аскалоном Харун ибн Яхья оставил описание церемоний византийского двора, при которых он присутствовал в 912/13 г. Нападения славян и арабов на Константинополь имеют не только подробные описания. Спасение от «варваров» столицы, не раз казавшееся чудом, запечатлено и в миниатюрах греческих рукописей, и в иконописи, образцы которой имеются в Государственном Эрмитаже. Из греческих и восточных летописей можно вычитать

ценнейшие сообщения о жизни славянских племен и народов, о начале Русского государства, о торговле и походах киевских князей. Они сообщают и о предках народов СССР, населявших Кавказ и Среднюю Азию, и дают возможность воссоздать забытые страницы их истории.

Философия и наука

Общеизвестно, что философия и наука античности, встряхнувшие схоластический латинский мир, пришли с арабами. Арабы получили эти сокровища из Византии через сирийцев. Факел науки в империи не угас. Высшая школа, монастырские библиотеки и скриптории хранили классическую мудрость, часть памятников которой, однако, уничтожена невежественным фанатизмом.

На первых стадиях своего приобщения к культуре арабы восприняли ее из рук сирийцев, которые превосходно понимали арабский, несколько родственный им язык и хорошо ориентировались в греческом.

Между V и VIII в. сирийцы перевели на родной язык ряд греческих философских сочинений, в том числе Аристотеля и Порфирия. Искусные врачи, они превосходно знали сочинения Гиппократа и Галена. Сирийский врач Сергий Решайнский в VI в. перевел весь *Corpus Galeni*. К тому же времени относятся сирийские переводы астрономических и алхимических трактатов, сочинений по математике и логике. На арабский язык переводили с сирийского, таким образом арабам стали доступны классики греческой науки и философии. В IX в. врач Хунайн ибн Исхак, сириец, считавший родным языком арабский, не только переводил Галена с сирийского на арабский, но с помощью своего племянника сверял этот перевод с греческим подлинником и критиковал несовершенство тех или иных рукописей. Высшее образование — философское и медицинское — в течение VIII—IX вв. проделало путь от старого эллинистического центра наук, каким была Александрия, в Багдад через Антиохию и Харран. Столица халифата обладала достаточной притягательной силой, и первым меценатом был сам халиф. Если при сасанидах последних греческих языческих философов, изгнанных из Афин Юстинианом, приютил Ктесифон, то и в Багдаде охотно принимали греческих ученых.

Самый факт, что античное знание перешло к сирийцам и арабам, говорит о том, что разные отрасли науки не прекращали своего существования и в самой Византии. О том же говорит высшая школа Царьграда. Сирийцы получали свои знания и завершали свое образование в центрах византийской науки, в самой столице, в Александрии и Антиохии, где процветали философия и медицина, в Бейруте, где учили юриспруденции. Школа византийского типа оказала влияние на развитие арабской школы, но не столько непосредственно, сколько через сирийцев. Монофизиты и мелкиты жаловались на то, что несториане-сирийцы буквально в каждом селении устроили школу. При монастырях были школы и библиотеки, наконец, существовала высшая школа — Эдесская, а затем Нисибийская академия. К V и VI вв. относятся такие памятники сирийской литературы, как «Статуты Нисибийской академии» и «Трактат об основании школ» Бархадбешаббы Арабая, которые дают полное представление об организации и работе этого образовательного и научного центра.

Такие явления не прошли бесследно для всего Ближнего Востока, создав общую цепь традиции. Арабы скоро оставили далеко за собой своих учителей сирийцев. Они превзошли их во всех научных отраслях и развили их, особенно математику, географию, астрономию, к которым приобщили иранские и тюркские народы. Философское и научное наследие Эллады они перенесли в Кордовский халифат, где оно стало доступным латинскому Западу.

Еще при дворе сасанидских владык было принято устраивать философские и религиозные споры. Живой обмен словом, блестящее красноречие, умение сразить в словесном турнире противника были одним из развлечений при дворе халифов и подражавших им крупных феодалов. Это касалось и изящной литературы, стихов и поэм, экспромтов, которые читались и вызывали споры, остроумные ответы. В такой утонченной атмосфере двора происходил живой обмен мыслями и создавались условия для взаимных влияний.

Изящная литература

Взаимные связи византийских и восточных литератур многочисленны и разнообразны.

Ряд памятников апокрифической и агиологической литературы сохранился только на восточных языках, но несомненно имеет греческую основу и восходит к оригиналам византийской письменности: житие Петра Ивера, сохранившееся в сирийском и грузинском переводах; «Сказание о пленении Иерусалима персами в 614 г.», написанное по-гречески Антиохом Стратигом и переведенное на грузинский язык. Перевод этот был открыт Н. Я. Марром. Замечательный новозаветный апокриф, также восходящий к греческому утерянному оригиналу, сохранился лишь в арабской версии и издан И. Ю. Крачковским по рукописи Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Среди рукописей монастыря Саввы близ Иерусалима сохранились фрагменты Полиглотты IX в., в которой греческий, сирийский и арабский тексты приводятся в параллельных столбцах.

Культурные и литературные традиции Востока переносились в Византию, где они перерабатывались, изменялись, получали новые формы. Корнями своими уходит в легенды о Будде византийский роман о Варлааме и Иосифе. Его интерпретировали на арабском и грузинском языках, он получил широкое распространение в славянских странах. О глубоко впечаталении от этой повести говорят миниатюры греческой рукописи XI в. в Иерусалиме. Этой рукописью начинается серия иллюстраций к этому роману, которые имеются в рукописях XVII в., как в греческой рукописи № 71 Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде и даже более поздних. В XIV в. в молдавском монастыре Неамутчи роман о Варлааме и Иосифе вдохновил художника на стенную роспись удивительной красоты.

Индийская книга поучения государей «Калила и Димна» в сирийском имеет две версии, одну восходящую к пехлевийской, другую — к арабской. Арабский и греческий переводы этой книги известны во многих рукописях.

Особенно ярким примером взаимных влияний может служить поэма о Дигенисе Акрите. Родиной поэмы является Мелитена. На самой границе с мусульманским миром из общих корней с рыцарской арабской литературой выросла эта эпическая песня Византии. Арабский прототип поэмы о Дигенисе Акрите сквозит в героическом сказании XIV в. Саид Баттал, сохранившемся на турецком языке. Его утерянный арабский оригинал относился, вероятно, к X в., так как в нем отражены такие события, как восстание Бабека и разрушение Мелитены в 934 г. Арабская параллель для Дигениса имеется и в романе об Омаре ан-Нумане и его двух сыновьях. Их приключения составляют один из рассказов 1001 ночи. Все исследователи этого эпоса отмечают в нем смешение византийских, арабских и турецких элементов. Старый славянский перевод поэмы относится к XII—XIII вв. и свидетельствует о широком интересе к этому памятнику.

Живая, самобытная светская струя в византийской литературе недостаточно отмечалась. Наличие в ней героических и любовных тем, стихотворений, интереса к приключенческому роману роднит ее с группой своеобразных памятников на восточных языках, в том числе с арабским рыцарским романом, светской поэзией и сказкой.

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ВЛИЯНИЯ

Византия и Восток, имея много точек соприкосновения, оказывали друг на друга глубокое идеологическое влияние. Христианская полемика с зороастризмом и манихейством была вызвана не только желанием приобрести новых последователей, но и тем фактом, что манихейство с его ярко выраженным дуализмом пыталось стать в положение христианских сект. При последних сасанидах характерны явления синкретизма, как в позднеримской империи. Хосрой II, оставаясь зороастрийцем, посылал дары христианским святым, что, впрочем, не помешало ему при случае въехать верхом на лошади в алтарь храма.

Горячие полемические речи Иоанна Дамаскина против мусульманства обнаруживают его превосходное знание арабского языка и Корана. Но нельзя забывать, что иконоборчество, движение, в социальной сущности которого сомневаться не приходится, на начальных стадиях своего развития связывается с мусульманством. Противники иконоборцев брали их «сарациномыслящими». Здесь скрещивались как идеологические положения мусульманства, так и живые, освободительные тенденции арабов.

Христианизация Востока, как и славян, входила в политические расчеты Византии. Это было одним из верных способов оказывать влияние и приводить к повиновению своих ближних и дальних соседей. Если христианизация варварских народов имела государственное значение, то осуществлялась она не только клириками. Книги и новое учение привозили с собой и торговцы. Немалую роль играли и браки. Красные сафьяновые башмачки византийских царевен топтали не только терема киевских князей, но и гарем иранского шаха или вчерашнего кочевника — монгольского хана. Корсунь была возвращена Византии, «за вѣно царицы». «Ромеянка» Мариа соперничала во дворце Хосроя II с прекрасной Ширин, а сестра императора Андроника стала «монгольской царицей». С царицами вместе приезжал целый штат клириков, личной охраны и прислуги, мамушек и нянюшек, привозились книги, предметы культа, туалеты и украшения. С их появлением перестраивались дворцы, возводились новые храмы, при дворе вводили новый этикет. Новая религия и ее культ получали известные права. Византия сохраняла в качестве культового языка народный язык обращенных, этим самым он становился языком культуры, письменности и литературы. Следствием этого было создание того культурно-исторического целого, которое носит название христианского Востока, благодаря чему сохранились различные и замечательные памятники литературы на восточных языках, которые дают возможность воссоздать историю этих народов.

Взаимное влияние Византии и Востока во всех областях искусства настолько разнообразно и глубоко и имеет столь обширную литературу, что настоящее краткое сообщение сознательно оставляет эту область в стороне.

«Эллинизм» Византии надолго сохранил ей престиж. В империи даже в период феодальной раздробленности и отторжения отдельных областей эллинизм был тем цементом, который связывал эти *membra disjecta*. Именно эллинизм позволил Византии пережить ее политическую смерть. Молодые славянские государства наследовали с византийской культурой

и корни подлинного эллинизма. По своему положению и значимости Византия должна занимать центральное место в истории средневековья, будучи востоком для латинского Запада и западом для Ближнего и Дальнего Востока.

N. Pigoulevskaya

BYZANCE ET L'ORIENT

Le problème «Byzance et l'Orient» n'est pas nouvel. On oppose constamment Byzance, état médiéval oriental, à l'Occident latin. La politique extérieure de Byzance était orientée vers l'Orient, mais pour les peuples orientales le Byzance reste toujours un pays occidental.

Fondé sur les traditions hellénistiques et romaines, Byzance uncluait organiquement les provinces orientales de l'empire Romain — l'Égypte et Syrie — et exerçait une influence profonde sur le Califate arabe, sur les turcs et mongoles, en ressentant à son tour leur influence. C'est pourquoi les recherches de l'histoire byzantine sont extrêmement importantes pour l'histoire de l'Orient et de l'Occident.

Les relations sociales de Byzance et du Califate se développaient sur la même base; ils sont traités dans les sources similaires (par exemple, dans les papyrus grecs, coptes et arabes d'Égypte). Le développement des villes et des métiers dans l'empire byzantine et dans les pays orientaux suivait des voies parallèles. Cela montre la nécessité et les perspectives de leur recherche comparative.

Les relations culturelles de Byzance et de l'Orient étaient très multiples. L'article traite les problèmes des influences réciproques dans le droit et l'historiographie, dans la science et la philosophie, dans les belles-lettres et l'idéologie. L'ensemble des données permet de conclure: Byzance par sa position et sa signification occupait une place centrale dans l'histoire médiévale, comme «Orient» pour l'Occident latin et en même temps comme «Occident» pour l'Orient.
